

О. С. Поршнева

**ЮБИЛЕИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ***

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-56-63

УДК 94(470)“1920/1930”

ББК 63.3(2)6+63.1(2)

В статье анализируются современные исследования, посвященные политике памяти и исторической памяти о Первой мировой войне в советской России 1920–1930-х гг., одним из аспектов которых является феномен юбилеев «империалистической» войны. Рассматривается влияние современной ситуации на осмысление этой войны и на преодоление историографического клише о «забытой войне», происходящее одновременно в общественном и научном дискурсах. Интерпретируются достижения современной историографии в переосмыслении российской мемориальной культуры межвоенного периода, показывающие более сложный характер исторической памяти о Первой мировой войне, чем это представлялось ранее. Характеризуются подходы историков к оценке роли юбилеев и их места в структуре политики памяти, исследовательские наработки в сфере изучения механизмов, задействованных в ходе подготовки и проведения юбилейных кампаний в их различных формах. Анализируются достижения современных исследований в изучении юбилейного дискурса, его характерных черт и особенностей применительно к 1920–1930-м гг. Обосновывается вывод о том, что механизмы реализации юбилейной политики исследованы главным образом в отношении основных советских праздников, посвященных годовщинам Революции и Гражданской войны, а применительно к Первой мировой войне они изучены еще явно недостаточно. Выделяются перспективные направления изучения юбилеев Первой мировой войны в контексте проблематики мемориальной культуры и большевистского проектирования. Обосновывается необходимость реконструкции механизмов подготовки и проведения юбилейных кампаний; прояснения особенностей и характерных черт «волн памяти» о войне, их влияния на характер юбилеев; изучения форм взаимодействия и конфликтов политики памяти и коммуникативной памяти индивидов и групп в условиях юбилеев.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Россия, юбилеи, политика памяти, историческая память, раннесоветское общество*

Эпоха Первой мировой войны стала одним из ключевых этапов возникновения современного миропорядка, перехода к массовому обществу, формирования национального самосознания народов. Первая в истории тотальная война обусловила развитие современных методов управления населением через инструменты массовой политики и пропаганды, распространение новых представлений о взаимоотношениях государства и общества, о возможностях социального инжиниринга, переделки сознания и поведения человека.¹ С этим было связано широкое развитие в стра-

нах, вышедших из войны, политики памяти и исторической политики, использовавшихся властными элитами в качестве методов формирования идентичности национальных сообществ и их социальной мобилизации.

В трактовке терминов «политика памяти» и «историческая политика» мы разделяем подход А. Миллера, который использует понятие «политика памяти» «для обозначения всей сферы публичных стратегий в отношении прошлого, то есть концептуализации, практик коммеморации и преподавания истории», а понятие «историческая политика» рассматривает как «частный случай политики памяти, для которой характерно активное участие властных структур, конфронтационный характер и преследование партийных интересов».²

Одним из наиболее эффективных инструментов конструирования идентичности является обеспечение аффективного усвоения

¹ См.: Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 83–101.

Поршнева Ольга Сергеевна — д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории и социальных технологий, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: porshneva@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях» (рук. О. С. Поршнева)

² Миллер А. Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов. URL: <http://gefter.ru/archive/20967> (дата обращения: 27.08.2018).

собственной истории через исторический миф.³ Возможность «форматирования» и «периформатирования» исторической памяти о прошлом с использованием специальных практик коммеморации связана с тем, что, как справедливо подчеркивает А. Ассман, коллективная память «на самом деле не память, не воспоминание, а условность, конвенция, соглашение: вот это важно, и вот это и есть история о том, как это случилось, с иллюстрацией в виде картинки, закрепляющей эту историю в нашем сознании».⁴

Важную роль в реализации задач политики памяти играли и продолжают играть юбилеи, являясь центральными точками проявления процессов, с одной стороны, сознательного конструирования прошлого, а с другой, — конденсации исторической памяти как таковой, становясь зонами диалога, противостояния, а порой и открытых конфликтов в интерпретации прошлого. Негативный аспект юбилейных мероприятий как инструментов исторической политики, способных исказить объективную картину прошлого и подавить его альтернативные трактовки, обозначает Г. А. Бордюгов: «Преклонение перед юбилеями сопровождается введением людей в заблуждение по поводу тех исторических событий, которые не укладываются в праздничный сценарий. Нередко можно видеть, как для пропагандистского обеспечения юбилея демонируются дешифраторы мифов, нейтрализуются критики, подрываются репутации неконъюнктурных историков».⁵ Тем не менее, историки не склонны недооценивать или нивелировать роль юбилеев, отмечая, что их особая миссия проявляется в том, что они заставляют выстраивать историческую перспективу, «протягивать нить» от прошлого к будущему, способствуют формированию массовых исторических представлений.⁶ Г. Д. Алексева применительно к раннесоветскому периоду подчеркивает «активную роль юбилейных кампаний в формировании нового исторического сознания, в утверждении взглядов на историю, которые еще только вырабатывались».⁷

³ См.: Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. С. 39.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа: культ юбилеев в пространстве памяти. М., 2010. С. 9.

⁶ См.: Ульянова С. Б. Память об «империалистической войне» в советском обществе в 1920-е гг. // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. М., 2014. С. 676.

⁷ Алексева Г. Д. Историческая наука в России после победы Октябрьской революции // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 54.

В западной и российской историографии 1990 — начала 2000-х гг. утвердилось представление о Первой мировой войне как «забытой» для России, так как «на протяжении всего советского периода имело место подавление человеческой памяти, желание забыть не только Великую войну, но и павших в ней, и смерть как таковую».⁸ Историк М. Н. Покровский еще в 1928 г. констатировал факт того, что империалистическая война оказалась в СССР более забыта, чем где бы то ни было.⁹ Тезис о Первой мировой войне как о «забытой» в советский период истории не отвергается исследователями (как отчасти справедливый) и сегодня, выступая как метафора, инструмент для сравнения мемориальной традиции в России и на Западе. В России, в отличие от других европейских стран и США, память о войне не имела самостоятельного значения, была подчинена логике метарассказа об Октябрьской революции, не создавались официальные монументы павшим, не чтились герои «несправедливой», «империалистической» войны старого режима, разрушались кладбища и т. д.

Причины вытеснения из российского массового сознания образа Великой войны, называвшейся в ее начальный период «Второй отечественной», утверждения в нем мифа о Революции и Гражданской войне неоднократно характеризовались исследователями. Авторы подчеркивают не только значение сознательного большевистского «форматирования» памяти, но и еще более масштабную, в сравнении с мировой войной, катастрофичность событий Революции и особенно Гражданской войны для России, отмеченных несравненно большим количеством жертв, а также роль неблагоприятной политико-идеологической и общественной конъюнктуры, психологической «демобилизации» и массового разочарования в войне в ее последний период.¹⁰

В последние десятилетия, в отличие от советского периода, ситуация с памятью о войне в России коренным образом изменилась в двух отношениях — в плане исследования Первой

⁸ Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. коллоквиума. СПб., 1999. С. 49.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 49–51; Никонова О. Ю. Воспитание патриотов: Освоаиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010. С. 93, 94; Колоницкий Б. И. Первая мировая война: культура эпохи и социальная память // Звезда. 2014. № 11. С. 199.

мировой войны (память историков) и общественного внимания к проблеме, «вписанности» ее в актуальную политическую и культурную память о прошлом. Факторы «возвращения» Первой мировой войны в «актуальную общественную повестку» отмечены в работах К. Пахалюка: это усиление идеологии государственного патриотизма в 2000-е гг. с его акцентом на «сильную национальную государственность», «аффективный менеджмент прошлого» с приоритетом тематики героизма в период подготовки и проведения 100-летнего юбилея войны.¹¹

100-летний юбилей Первой мировой войны стал важной вехой и мощным стимулом развития собственно научных исследований, активизированных в его преддверии запуском ряда новых проектов, как российских, так и международных. Начиная с 1990-х гг. российские историки активно работали над преодолением негативных сторон советского наследия в изучении войны, прилагая немалые усилия к тому, чтобы Первая мировая война получила глубокое научное осмысление. В результате в современной российской историографии, как отметил Ю. А. Петров, Первая мировая война стала рассматриваться не как прелюдия «Великого Октября», что было принято в советской историографии, а как эпохальное событие, которое привело к социально-экономической и политической трансформации Евразии и значительной части остального мира.¹² В связи со 100-летием начала войны появилось значительное количество обобщающих работ, выводящих ее исследование на качественно новый уровень.¹³

В современных трудах пересматриваются оценки российской культуры памяти о Первой мировой войне, прежде всего применительно к советскому периоду. В работах обосновывается как специфичность мемориальной традиции Великой войны в Советской России, так и инструментализация ее военного опыта советской элитой.¹⁴ Подчеркивается, что ис-

следование Первой мировой войны было организовано, финансировалось и продвигалось самими государственными институтами, такими как Народный комиссариат просвещения и РККА.¹⁵

Некоторые ученые рассматривают проблему исторической памяти о Первой мировой войне в широком контексте культуры межвоенного периода, на основе сравнения российской и европейской/западной мемориальных традиций, выявления в них общего и особенного, привлечения для анализа, помимо документальных источников, художественной литературы.¹⁶ Так, Е. С. Сеньявская, изучавшая проблему исторической памяти о войне в компаративном ключе, делает важные выводы, характеризующие отличия и общие закономерности ее формирования в странах-участницах конфликта. Она отмечает, что Первая мировая война выявила не только сильную зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики, но и определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей, а также значимую роль «культурной фиксации» военного опыта в произведениях литературы и мемуаристики.¹⁷

К. Петрон в своей фундаментальной монографии, посвященной российской памяти о Первой мировой войне в межвоенный период, обоснованно утверждает, что воспоминания и размышления о войне присутствовали постоянно в советской межвоенной культуре, даже если «империалистическая» война часто рассматривалась в качестве простой «прелюдии» к революции или ее фона.¹⁸ О. Ю. Николова также подчеркивает, что тема войны так или иначе была представлена в советской действительности, но если в официальном дискурсе — в форме крайне упрощенных и реинтерпретированных в духе марксизма символов,

циальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 127; Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington; Indianapolis, 2011; Пахалюк К. Указ. соч.; и др.

¹⁵ См.: Petrone K. *Op. cit.* P. 200.

¹⁶ См.: Ibid.; Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 199–216; Нагорная О. С. Указ. соч. С. 127–140; Hellmann B. *In Search of the Truth about the Great War: The Theme of War in the Works of Five Russian Writers // Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922*. B. 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions. Bloomington, 2014. P. 209–232; Сеньявская Е. С. Историческая память о Первой мировой войне: особенности формирования в России и на Западе // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2009. № 2 (5). С. 31–37.

¹⁷ См.: Сеньявская Е. С. Указ. соч. С. 11, 12.

¹⁸ См.: Petrone K. *Op. cit.* P. 6.

¹¹ См.: Пахалюк К. 1914–2017: Первая мировая война в пространстве культурной памяти современной России. Незабываемая «забытая» война. URL: [www.http://gefter.ru/archive/22877](http://gefter.ru/archive/22877) (дата обращения: 23.08.2018).

¹² См.: Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. М., 2017. Т. 1. С. 12.*

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Нагорная О. С. Плен Первой мировой войны в советской художественной литературе: конфликт и консенсус индивидуальных переживаний // *Большая война России: со-*

то в других сферах — в форме «подтекста», «скрытой информации», проявлявшейся в социальных и дискурсивных практиках и мировоззренческих установках.¹⁹ Исследователи отмечают, что в 1920–1930-е гг. издавалось значительное количество не только популярной, но и научной, а также художественной литературы, посвященной Первой мировой войне, а в воспоминаниях присутствовала тематика «трагического» героизма.²⁰

В литературе выделяются «взлеты и падения» памяти о Первой мировой войне в контексте сменяющихся волн культурно-исторической и общественно-политической конъюнктуры.²¹ Так, К. Петрон отмечает, что ведомственное соперничество и финансовые трудности, наряду с идеологическими факторами, привели к уменьшению внимания к Первой мировой войне к концу 1920-х гг.: ее изучение было возобновлено лишь в конце 1930-х гг., когда надвигалась новая война с Германией.²² С другой стороны, О. Ю. Никонова, напротив, говорит об угасании интереса к данной теме к концу 1930-х гг.: «Чем ближе была новая война, тем реже публично вспоминали о прошедшей: к 25-летию войны количество юбилейных изданий резко сократилось».²³ Подобные расхождения в оценках историков подтверждают необходимость дальнейшего изучения «волн памяти» о войне, отражающихся в юбилейной политике, а также их «протяженности», факторов и характеристик.

Многообещающим направлением в изучении юбилеев «империалистической» войны в раннесоветский период является их осмысление в контексте феномена большевистского проектирования. Большевистский проект по «переформатированию» социума включал в качестве необходимой составляющей переделку «человеческого материала», создание «нового человека». С этой целью большевики конструировали, в частности, социально-исторический миф, нарратив, усвоение которого было способно создавать у индивида новое

видение мира, новую социальную идентичность. Характеризуя механизмы реализации политики памяти в 1920-е гг., С. Б. Ульянова выделяет особую роль массовых пропагандистских кампаний (таких, как Неделя борьбы против войн 1924 г. и др.) в утверждении нового исторического мифа о мировой войне. Они, по мнению исследователя, являлись основным и достаточно эффективным методом советской пропаганды, важнейшим элементом новой советской социальной практики.²⁴ В ходе кампаний на предприятиях, в клубах и т. п. проводились «комплексные лекции», длившиеся полтора-два часа, которые публиковались заранее, чтобы «облегчить» подготовку докладчикам. Лекции сопровождалась диапозитивами, иногда — «живыми картинами».²⁵

Одной из форм инсценировок, использовавшихся в большевистской политике памяти, были агитсуды, специально исследованные Э. Вуд как феномен культуры раннесоветского общества и инструмент большевистской политики,²⁶ а применительно к проблеме мировой войны — Т. В. Раевой, которая характеризует их как «способы и приемы фильтрации памяти о Первой мировой войне, уникальную форму коммеморации».²⁷ Автор пришла к выводу, что проведение массовых кампаний в 1920-е гг., в отличие от более поздних празднований «международного антивоенного дня»,²⁸ характеризовалось богатством выразительных форм, относительной интерпретационной свободой, большей живостью действий. Они позволяли транслировать «правильные» интерпретации воспоминаний, актуализировать субъективные переживания, допуская их взаимодействие с официальным дискурсом.²⁹

Исследователи обосновали роль массовых празднеств, одним из видов которых были юбилеи, в формировании социальной идентичности и исторического сознания населения постреволюционной России.³⁰ Отдельным

¹⁹ См.: Никонова О. Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 498.

²⁰ См.: Пахалюк К. А. Отражение героизма русских солдат и офицеров Первой мировой войны в мемуарной литературе советского периода // Великая война: сто лет. СПб., 2014. С. 206–236; Petrone К. Op. cit. P. 169–182.

²¹ См.: Никонова О. Ю. Военное прошлое России... С. 496.

²² См.: Petrone К. Op. cit. P. 200.

²³ Никонова О. Ю. Военное прошлое России... С. 498.

²⁴ См.: Ульянова С. Б. Указ. соч. С. 678.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Wood E. A. *Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia*. Ithaca; London, 2005.

²⁷ Раева Т. В. Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агитсуд» как способ формирования памяти // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 3. С. 11–13.

²⁸ Он отмечался с 1929 г. по инициативе Коминтерна 1 августа, вошел в советский праздничный календарь.

²⁹ См.: Раева Т. В. Указ. соч. С. 11.

³⁰ См.: Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009; Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.

направлением изучения темы стала реконструкция процесса руководства раннесоветским праздником. Г. Д. Алексеева отмечает, что именно в первой половине 1920-х гг. подготовка к юбилеям стала сопровождаться постановлениями ЦК РКП(б), в которых не только определялись формы празднования, характер юбилейных мероприятий, но и формулировались определенные позиции и оценки, призванные стать основой идейного содержания всей литературы, всех выступлений, посвященных юбилейным датам.³¹ Однако в 1920-е гг., по ее оценке, это еще не был «контроль и диктат партии, навязываемый общественному мнению и историкам, как это стало позднее, в 1930-е гг.»³² М. Рольф сделал ряд важных выводов, характеризующих механизм функционирования и организационную структуру праздничной культуры, тенденции ее эволюции. Он обосновал влияние культурной революции рубежа 1920-х и 1930-х гг. на военизацию праздников,³³ утверждение централизованного планирования праздников в начале 1930-х гг., превращение партии к концу 1930-х гг. в единоличного координатора подготовки к юбилеям.³⁴

Интересные данные, позволяющие прояснить детали организации праздничных коммемораций, содержатся в трудах, выполненных на региональном материале. Так, С. Ю. Малышева характеризует значимую роль военных структур в Казани в подготовке грандиозных летних празднеств в 1924 г., посвященных 10-летию «Европейской» (мировой) войны.³⁵ Факты о локальных практиках воспоминаний во время празднования «антиимпериалистического Дня» 1 августа 1929 г. позволяют сделать вывод о блокировании под давлением местных руководителей «односторонних» оценок во время «Вечеров воспоминаний участников империалистической войны».³⁶

Анализ литературы показывает, что усилия историков до сих пор сосредоточены на изучении организации юбилеев главных советских праздников, реализующих задачу укорене-

ния мифа о Революции и Гражданской войне. Детальное изучение механизма подготовки и проведения юбилейных кампаний, посвященных «империалистической» войне, еще остается задачей историков.

Реконструкция особенностей официального дискурса о Первой мировой войне в 1920–1930-е гг., в том числе применительно к юбилейной проблематике, стала предметом пристального внимания исследователей. Их анализ осуществляется на основе интерпретации юбилейной и специальной литературы, посвященной Первой мировой войне, материалов периодической печати, учебников по истории.³⁷ По мнению О. Ю. Никоновой, «именно массовые празднества и учебный процесс образуют важнейшие структурные рамки для формирования и конфигурации коллективной памяти».³⁸ Исследователи подчеркивают характерную черту советской юбилейной литературы о Первой мировой войне 1920–1930-х гг.: она не преследовала цель способствовать воспоминаниям о событиях войны как таковых, память о Первой мировой войне актуализировалась только в рамках рассказа о Революции, а также «ожидания» новой империалистической войны. Юбилейная литература отличалась скудостью изображений конкретных событий, действий индивидов (солдат и гражданских лиц), деталей сражений, была наполнена обезличенными цифрами.³⁹

Изменение общественно-политической конъюнктуры — нарастание реальной угрозы войны после прихода Гитлера к власти в Германии, попытки СССР создать систему коллективной безопасности, его вступление в Лигу наций, крах надежд на скорую мировую революцию — обусловило своеобразие юбилейного дискурса 1934 г., что также не осталось незамеченным исследователями. О. Ю. Никонова говорит о дополнении в 1930-е гг. концептуальных рамок истолкования Великой войны представлениями о будущем военном конфликте.⁴⁰ К. Петрон отмечает пацифистскую риторику, подчеркивая при этом, что «в середине 1930-х гг. Сталин сам иногда использовал

³¹ См.: Алексеева Г. Д. Указ. соч. С. 53.

³² Там же. С. 53, 54.

³³ Характерно, что тенденция милитаризации праздничной культуры, в частности проведения юбилеев, проявилась в России еще накануне Первой мировой войны (см.: Цимбаев К. Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX — начала XX века // Вопр. истории. 2005. № 11. С. 104).

³⁴ См.: Рольф М. Указ. соч. С. 97–110.

³⁵ См.: Малышева С. Ю. Указ. соч. С. 79.

³⁶ Никонова О. Ю. Воспитание патриотов. С. 97.

³⁷ См.: Ульянова С. Б. Указ. соч.; Никонова О. Ю. Военное прошлое России...; Кутдусова В. А. Первая мировая война в советском печатном дискурсе 1920–1940-х гг. // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 65–76.

³⁸ Никонова О. Ю. Военное прошлое России... С. 498.

³⁹ См.: Там же; Petrone K. Op. cit. P. 5; Ульянова С. Б. Указ. соч. С. 677; Нагорная О. С. Указ. соч. С. 131.

⁴⁰ Никонова О. Ю. Воспитание патриотов. С. 95.

риторику, которую очень легко можно было спутать с “буржуазным пацифизмом”». ⁴¹ В ознаменование двадцатой годовщины начала Первой мировой войны, пишет она, крупными тиражами издавались плакаты, создававшие угрожающие образы империалистического перевооружения, показывавшие контраст между военными приготовлениями империалистов и миролюбивой политикой СССР, стремящегося предотвратить войну. ⁴² Важным выводом историка, характеризующим юбилейный дискурс 1934 г., стал тезис о его многоаспектности и неоднозначности, о присутствии в нем не только пацифистской риторики, но и более сложного взгляда писателей и публицистов на мировую войну. ⁴³

Исследователи подчеркивают, что в юбилейном дискурсе 1930-х гг., как и в целом в политической лексике этого периода, сосуществовали националистические и антивоенные элементы, пропагандировался «советский патриотизм» как приверженность социалистическому отечеству, готовность встать на его защиту. Это было относительно новым явлением и отражало национально-патриотический поворот в советской идеологии в 1933–1941 гг. ⁴⁴ На основе анализа периодической печати В. А. Кутдусова пишет об этом изменении акцентов в юбилейном дискурсе в год 20-летия начала войны: «...в 1934 году громче звучит клич о защите своей социалистической родины: “отныне мы — оборонцы... отныне международное положение России переменилось в корне. Бывшая царская Россия стала советской республикой, стала отечеством мирового пролетариата”». ⁴⁵ Значимая роль в утверждении советского патриотизма ⁴⁶ в 1930-е гг. принадлежала фактору осмысления военными специалистами катастрофического опыта 1914–1918 гг., в результате чего был поднят вопрос о моральной устойчивости и боевом духе армии как о важнейших факторах победы в условиях современных массовых войн. ⁴⁷

Не случайно юбилейная литература 1930-х гг., в сравнении с публикациями предшествующего периода, имела существенную особенность: она тщательно обходила вопрос об ответственности России за развязывание Первой мировой войны, десятилетием раньше столь остро поставленный М. Н. Покровским. ⁴⁸ Это отражало внесение поправок в концепцию войны, изменения в определении ее виновников, роли России в составе Антанты. ⁴⁹

Таким образом, феномен юбилеев Первой мировой войны в Советской России 1920–1930-х гг. рассматривается сегодня в контексте изучения не только формирующейся советской мемориальной культуры, но и культуры раннесоветского общества в целом, на основе анализа политики памяти и исторической политики этого периода, их взаимодействия с исторической памятью о войне. Исследователи, используя новые подходы и более широкий круг источников, убедительно показали многоаспектность и сложность российской культуры памяти в межвоенный период, несводимость памяти о мировой войне к официальному дискурсу, сохранение ее альтернативных форм, их взаимодействие с господствующими интерпретациями. Механизмы реализации юбилейной политики исследованы в большей степени на материале основных советских праздников, посвященных годовщинам Революции и Гражданской войны, занявшим центральное место в советском праздничном календаре. Применительно к Первой мировой войне они фрагментарно показаны в работах, касающихся массовых антивоенных кампаний, приуроченных к годовщинам ее начала. Механизмы подготовки и проведения юбилейных мероприятий, посвященных Первой мировой войне, формы взаимодействия, противостояния и конфликтов политики памяти и коммуникативной памяти индивидов и групп в условиях юбилеев еще не стали предметом специального комплексного исследования.

⁴¹ Petrone K. Op. cit. P. 181.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid. P. 181, 235.

⁴⁴ См.: Синицын Ф. Л. Национально-патриотический фактор в советской идеологии в предвоенный период (1933–1941 гг.) // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914–1945 гг. М., 2016. С. 251–269.

⁴⁵ Кутдусова В. А. Указ. соч. С. 71.

⁴⁶ Глубокий анализ феномена советского патриотизма, его социально-политических и культурных источников был предпринят О. Ю. Никоновой (см.: Никонова О. Ю. Воспитание патриотов. С. 22–34).

⁴⁷ См.: Никонова О. Ю. Военное прошлое России... С. 501.

⁴⁸ Там же. С. 499; Покровский М. Н. Империалистская война. 1915–1930. М., 2010. С. 112–120.

⁴⁹ Эта измененная концепция была закреплена в кратком курсе истории ВКП(б), вышедшем в 1938 г., где делался акцент на англо-германских противоречиях как на главном факторе конфликта держав, а роль России определялась как зависимая от Англии и Франции (см.: История Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1938. С. 155).

Olga S. Porshneva

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: porshneva@yandex.ru

**THE FIRST WORLD WAR ANNIVERSARIES IN THE EARLY SOVIET PERIOD:
PROBLEMS OF MODERN SCIENTIFIC COMPREHENSION**

The article analyses modern researches devoted to the politics of memory and historical memory of the First World War in Soviet Russia in the 1920s–1930s, one aspect of which is the phenomenon of the “imperialist war” anniversaries. The impact of the current situation on the comprehension and overcoming of the historiographic cliché about the “forgotten war”, occurring simultaneously in the social and scientific discourses, is considered. The achievements of modern historiography in the reinterpretation of the Russian memorial culture of the interwar period are interpreted, they demonstrate more complex and multidimensional character of the remembrance of the First World War than it has been previously thought. The author characterizes historians’ approaches to the evaluation of the role of anniversaries and their place in the structure of the politics of memory, research developments in the field of studying the mechanisms involved in the preparation and holding various forms of jubilee campaigns. Modern achievements in studying the anniversary discourse, its characteristic features and peculiarities with reference to the 1920s–1930s are analyzed. It is argued that the mechanisms for implementing the jubilee politics have been studied mainly in relation to the main Soviet holidays dedicated to the Revolution and the Civil War anniversaries. When it concerns the First World War, these mechanisms are far from being properly studied. Promising areas for further studying the First World War anniversaries in the context of the problems of memorial culture and Bolshevik projecting are highlighted. It is concluded that there is a need for reconstruction of mechanisms of preparation and carrying out anniversary campaigns; for clarification of specifics of “waves of memory” about the war and their impact on the nature of anniversaries; for studying forms of interaction and conflicts between memory politics and communicative memory of individuals and communities under jubilee conditions.

Keywords: *First World War, Russia, anniversaries, politics of memory, historical memory, early Soviet society*

REFERENCES

- Alekseeva G. D. [Historical science in Russia after the victory of the October Revolution]. *Rossiia v XX veke : Sud'by istoricheskoi nauki* [Russia in the 20th century: The fates of historical science]. Moscow: Nauka Publ., 1996, pp. 43–58. (in Russ.).
- Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 328 p. (in Russ.).
- Bordyugov G. A. *Oktyabr'. Stalin. Pobeda: kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory: cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2010, 255 p. (in Russ.).
- Hellmann B. In Search of the Truth about the Great War: The Theme of War in the Works of Five Russian Writers. *Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922*. Bloomington: Indiana, 2014, Book 1, pp. 209–232. (in English).
- Holquist P. [Total mobilization and population politics: Russian catastrophe (1914–1921) in the European context]. *Rossiia i Pervaya mirovaya voina* [Russia and First World War]. Saint Petersburg: Institut istorii RAN, “Dmitrii Bulanin” Publ., 1999, pp. 83–101. (in Russ.).
- Istoriya kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs*. [History of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks): Short Course]. Moscow: Izd-vo TsK VKP (b) Pravda Publ., 1938, 352 p. (in Russ.).
- Kolonitskii B. I. [The First World War: culture of the epoch and social memory]. *Zvezda* [Star], 2014, no. 11, pp. 199–216. (in Russ.).
- Kutdusova V. A. [The First World War in the Soviet printed discourse of the 1920–1940s]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences], 2014, no. 3, pp. 65–76. (in Russ.).
- Malysheva S. Yu. *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvol'y, istoricheskie mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, historical myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten Publ., 2005, 400 p. (in Russ.).

Miller A. [The politics of memory in Russia. The role of non-state agents]. Available at: <http://gefter.ru/archive/20967> (accessed: 27.08.2018). (in Russ.).

Nagornaya O. S. [Captivity of the First World War in Soviet fiction: conflict and consensus of individual experiences]. *Bol'shaya voina Rossii: sotsial'nyi poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epokh* [Russia's Great War: social order, public communication and violence at the turn of the Tsarist and Soviet era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 127–140. (in Russ.).

Nikonova O. Yu. [Russia's military past and Soviet patriotism: to the formulation of the problem]. *Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii* [The century of memory, memory of the century: The experience of dealing with the past in the 20th century]. Chelyabinsk: Izd-vo "Kamennyi poyas" Publ., 2004, pp. 489–506. (in Russ.).

Nikonova O. Yu. *Vospitanie patriotov: Osoaviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoi provintsi (1927–1941 gg.)* [Patriots upbringing: Osoaviakhim and military training of the population in the Urals province (1927–1941)]. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2010, 471 p. (in Russ.).

Orlovsky D. [The Great War and Russian memory]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voina* [Russia and First World War]. Saint Petersburg: Institut istorii RAN, "Dmitrii Bulanin" Publ., 1999, pp. 49–57. (in Russ.).

Pakhalyuk K. [1914–2017: The First World War in the space of modern Russia's cultural memory. Unforgotten "forgotten" war]. Available at: <http://gefter.ru/archive/22877> (accessed: 23.08.2018). (in Russ.).

Pakhalyuk K. A. [Reflection of the heroism of Russian soldiers and officers of the First World War in the memoirs of the Soviet period]. *Velikaya voina: sto let* [The Great War: a hundred years]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 206–236. (in Russ.).

Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2011, 385 p. (in English).

Petrov Yu. A. [Russia on the eve of the great revolution of 1917: modern historiographic trends]. *Rossiiskaya revolyutsiya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* [The Russian Revolution of 1917: power, society, culture]. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2017, vol. 1, pp. 12–26. (in Russ.).

Pokrovskii M. N. *Imperialistskaia voina. 1915–1930* [The Imperialist war. 1915–1930]. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM" Publ., 2010, 344 p. (in Russ.).

Raeva T. V. [Memorizatsiya of the first world war in the Soviet Union: "Agit-court" as a method of forming the memory]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"], 2014, vol. 14, no. 3, pp. 11–13. (in Russ.).

Rolf M. *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet Mass Festivals]. Moscow: ROSSPEN; Presidential Center B. N. Yeltsin Publ., 2009, 439 p. (in Russ.).

Senyavskaya E. S. [Historical memory of the First World War: specifics of formation in Russia and in the West]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2009, no. 2 (5), pp. 31–37. (in Russ.).

Sinitsyn F. L. [The national-patriotic factor in Soviet ideology in the pre-war period (1933–1941)]. *Ot protivostoyaniya ideologii k sluzheniyu idealam: rossiiskoe obshchestvo v 1914–1945 gg.* [From the confrontation of ideologies to the serving to ideals: Russian society in 1914–1945]. Moscow: Novyi khronograf Publ., 2016, pp. 251–269. (in Russ.).

Tsimbaev K. N. [The jubilemania phenomenon in Russian social life of the late 19th – early 20th century]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2005, no. 11, pp. 98–107. (in Russ.).

Ulyanova S. B. [The memory of the "imperialist war" in Soviet society in the 1920s]. *Rossia v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918* [Russia during the First World War. 1914–1918]. Moscow: IRI RAN Publ., 2014, pp. 675–680. (in Russ.).

Wood E. A. *Performing Justice: Agitation Trials in Early Soviet Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2005, 312 p. (in English).